***Nicolaidis E.* Science and Eastern Orthodoxy: From the Greek Fathers to the Age of Globalization. Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 2011. — 288 p.**

С момента возникновения истории науки как самостоятельной дисциплины внимание историков и философов было приковано к событиям, происходившим в Западной Европе в XVI–XVIII веках. Наука рассматривалась как своеобразное западное предприятие, вышедшее из стен средневековых университетов и то ли отринувшее христианскую мысль, то ли, наоборот, ею оплодотворенное. Исторический материал других культур привлекался лишь постольку, поскольку на его примере можно было показать, почему научный проект получил свое развитие в Западной Европе, а не, скажем, в странах Дальнего Востока, которые, как известно, долгое время не отставали от Запада в технологическом отношении.

Перемены, произошедшие в истории науки в 70-е гг. XX века, не только изменили представление историков о процессе развития науки, но и привлекли их внимание к специфике существования научного знания в странах за пределами Западной Европы. Монография греческого ученого Евфимия Николаидиса является одной из первых серьезных попыток создать внятный и целостный нарратив об истории взаимоотношений науки и религии на православном Востоке, начиная с творчества Филона Александрийского (25 до н. э. — 50 н. э.) и заканчивая современностью.

Совершенно очевидно, что на пространстве двухсот с лишним страниц невозможно изложить полную историю взаимоотношений Православия и научных идей, в чем автор с готовностью признается. Цель его труда — дать конспективный, на примере последовательно расположенных «кейсов», обзор событий, характеризующих эти отношения, вписав их в контексты политической истории, истории науки и истории религии. Автор привлекает свидетельства из разных разделов исторического знания, и в целом ему удает-

ся продемонстрировать сложный характер указанных отношений, например, вскрыв значение религиозных и научных вопросов в борьбе за политическое влияние между Феодором Метохитом (1270–1332) и Никифором Хумном (1250/55–1327) при дворе императора Андроника II Палеолога (1259–1332).

Одна из задач автора заключалась в том, чтобы показать безосновательность утверждения о безоговорочном господстве теологии на православном Востоке и порожденной этим отсталости научного знания. Хотя носителями науки вплоть до конца XIX века были по большей части представители церкви, которые так или иначе стремились согласовать новую науку и даже новую философию с догматическим учением Православия, теологи, несмотря на присутствие в своих рядах серьезной оппозиции светскому знанию, почти никогда не выступали против последнего единым фронтом. Более того, именно теологи на протяжении всей истории были хранителями и носителями научного знания, путешествовали в Западную Европу и стремились открывать в Греции и на всем православном Востоке центры новой учености.

Отсталость научного знания на Востоке и, в конечном счете, причины, по которым научная революция произошла именно в Западной Европе, Е. Николаидис связывает с другими характеристиками греческой культуры. В первую очередь речь идет о национальной гордости греков, стремившихся на протяжении многих веков доказать миру, что греческое знание — самое точное и лучшее. Именно национализм мешал своевременной и быстрой рецепции новых идей (поскольку они приходили из-за «варварского» рубежа) и заставлял снова и снова возвращаться к творениям греческих философов. Во вторую очередь можно говорить об убеждении греков в собственной избранности и нежелании, в общем и целом, идти на контакт с представителями католического христианства. Вследствие теологического раскола, усугубленного политическими столкновениями, греки с подозрением относились ко всему, что приходило из латинской культуры, в том числе и к новейшим научным достижениям.

Вместе с тем Е. Николаидис специально оговаривает, что хотя эти тенденции в греческой культуре и занимали значимое место, они никогда не были господствующими, и стремится показать, что научное развитие на православном Востоке в целом не отставало от того, что происходило на Западе. Многие греки не только поддерживали контакты с католичеством, совершенствуя свои знания в западных

университетах, но также внимательно изучали творения мусульманских и еврейских философов. В качестве примера автор рассматривает знаменитый конфликт между византийским «гуманистом» Варлаамом Калабрийским (1290–1348) и исихастом Григорием Паламой (1296–1359).

Е. Николаидис указывает на ошибочность сложившегося стереотипа, согласно которому сторонники исихазма однозначно отрицали пользу светского знания. По его мнению, полное игнорирование достижений философской и научной мысли прошлых веков выказывали низшие слои общества, в принципе не разбиравшиеся в греческой учености и мало заинтересованные в том, чтобы в ней разбираться. Борьба исихастов и гуманистов не подтверждает конфликтный характер взаимоотношений науки и религии, поскольку отрицание исихастами знания было продиктовано не теологическими, а социальными и политическими причинами, а в конечном счете — их неприятием высших слоев общества, сочувствовавших идеям гуманистов.

Е. Николаидис подчеркивает важность понимания специфики исихастского движения для историков науки в связи с его определяющим влиянием на отношение Православия к научному и, шире, светскому знанию, прежде всего в России. Автор вынужден признать, что победа исихастов затормозила развитие науки на православном Востоке: «Исихазм был реакцией монашества на процесс постепенной секуляризации Православной Церкви. Секуляризация эта имела две причины: развитие византийского гуманизма, следствием которого стало обучение высших чинов церковной иерархии светским наукам, и „цезаропапизм“, который ставил церковь под власть императора. На христианском Западе сходные события — развитие секулярного знания, особенно усиленное номиналистической интерпретацией, которая бросала тень сомнения на церковную «тайну» (то есть на реальное присутствие Христа в Церкви), вкупе со светским образом жизни, который вели в Ватикане, — подготовили почву для будущей Реформации. На Востоке же любой намек на реформы блокировался исихастской реакцией, которая одновременно боролась на двух фронтах: против секуляризации и за контроль над церковью внутри ее собственной иерархии (не прибегая к политической силе)» (p. 97–98). Вместе с тем победа исихазма не помешала очередному обращению византийских теологов к секулярному знанию на волне возобновившегося интереса к древним текстам греческих философов.

Е. Николаидис представляет историю науки на православном Востоке как череду подъемов и спадов интереса к научному знанию, вызванных политическими, социальными и теологическими причинами. Наибольшее влияние на процесс развития восточной науки оказывала традиция греческого мистицизма, впервые открыто и со значимыми политическими последствиями проявившая себя в деятельности движения иконоборцев. Их противники, напротив, активно использовали секулярное знание, отчасти подготовив гуманистический ренессанс IX века, важную роль в котором сыграли императоры, оказывавшие определяющее влияние на взаимоотношения Православия и светского знания вплоть до падения Византии в XV столетии.

Складывается впечатление, что автор разделяет точку зрения, напрямую связывающую доминирование Запада с процессом его *постепенной* централизации сначала на основе христианского католического учения, а после Реформации — на основе научной картины мира. В этом отношении наличие на Востоке постоянной централизованной власти сыграло отрицательную роль, затормозив развитие философии природы, получавшей значимые импульсы в кризисные и посткризисные периоды истории Византии. Рассуждая о роли и значении для развития науки императорских инициатив XI–XII вв., Е. Николаидис отмечает, что «покровительство науке со стороны руководителей империи несло в себе семена застоя. Хотя обучение наукам развивалось, мы не можем обнаружить каких-либо ярких дискуссий о научных проблемах, и византийский вклад в развитие науки оставался маргинальным» (p. 68).

Вторжение крестоносцев и первое падение Константинополя в 1204 году не охладили интереса императорского дома к распространению «светского знания». Более того, византийский истеблишмент, как утверждает Е. Николаидис, вследствие кризиса стал более восприимчив к новым идеям, в том числе научным. Период второго гуманистического возрождения греческой науки пришелся на время правления династии Палеологов, несмотря на сопротивление части духовенства, которое с сочувствием относилось к исихастскому мистицизму. Развитие науки на православном Востоке было снова заторможено после второго падения Константинополя в 1453 году, однако благодаря ему западная наука приобрела значительное количество новых текстов, а также грекоязычных ученых, бежавших на территорию Италии и в Венецию от мусульманского нашествия и внесших

значимый вклад в итальянское Возрождение XV века.

Е. Николаидис справедливо отмечает, что на православном Востоке «спор о древних и новых», включавший в себя также вопрос о возможности заимствования достижений западной науки, был в значительной степени осложнен схизмой, заставлявшей многих православных теологов занимать консервативную, «охранительную» позицию. Хотя на Востоке, так же как на Западе, многие исследователи были озабочены поиском «древнего знания», из которого они черпали свое вдохновение, этот поиск имел националистический характер и, по сути, означал возвращение к классическим греческим сочинениям, посвященным философии природы. В конечном счете, по замечанию Е. Николаидиса, можно говорить о складывание научного сообщества в среде православных греков лишь к XVIII веку.

По мере приближения к современности повествование Е. Николаидиса неимоверно ускоряется. Сосредоточившись на изложении проблем взаимоотношений науки и религии в Средневековье и раннее Новое время, он пытается описать в трех главах историю этих взаимоотношений в XVIII–XX веках. Уровень детализации падает, и в целом автору не удается представить материал новой и новейшей истории на том же уровне, что и материал истории средневековой. Наличие такого «перекоса» можно объяснить сложившейся в рамках истории науки традиции уделять центральное внимание событиям, связанным со становлением «новой науки». Хотя само понятие «научная революция» встречается в труде Е. Николаидиса один или два раза, по-видимому, степень разработанности соответствующей проблематики, в конечном счете, и предопределила наличие подобного рода «перекоса».

России в его труде посвящена одна глава, выявляющая значение греческой философской и теологической мысли в культуре допетровской Руси, а также в связи с деятельностью Славяно-греко-латинской академии. Работа Е. Николаидиса в принципе выстроена вокруг темы взаимоотношений науки и религии в православной Греции, поэтому если иным национальным традициям и находится место в работе, то только в связи с вопросами их взаимодействия с греческой культурой. Такой «грекоцентризм» имеет право на существование, однако, несмотря на оговорки автора во «Введении», не следовало вводить читателя в заблуждение заглавием книги, предполагающим разговор о проблемах взаимодействия науки со всем «восточным Православием».

Даже если учитывать обзорный и предварительный характер рассматриваемого труда, все же следует обратить внимание на тот факт, что автор не проводит четкого разграничения между понятиями «научного» и «светского» знания. Вопрос о значении нерелигиозного знания для спасения человека действительно очень важен для православной мысли Вместе с тем ясно, что понятие «светское знание», помимо того, что его применение к реалиям Средних веков является известного рода «модернизацией», гораздо шире как понятия «естественнонаучное знание», так и понятия «философия природы».

Книга Е. Николаидиса ориентирована на стандарты, сложившиеся в западной историографии научного дискурса «Наука и религия». Хотя затронутые им исторические темы не раз и гораздо более подробно рассматривались в работах других историков, а теоретические предположения были озвучены применительно к западноевропейскому материалу, в целом автор решает поставленную им в предисловии задачу. Несмотря на отмеченные недостатки, ему удается составить историографическую «карту», которая, с учетом вышеприведенных замечаний, может рассматриваться как хороший почин в деле составления целостного и ясного нарратива, рассказывающего о взаимоотношениях науки и религии на православном Востоке.

В. Раздъяконов

Science and Religion: New Historical Perspectives/Ed. by Thomas Dixon, Geoffrey Cantor and Stephen Pumfrey. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. — 332 p.

Историю научного дискурса «Наука и религия» принято отсчитывать с момента появления ставшего впоследствии знаменитым труда Йена Барбура «Вопросы науки и религии» (*Issues in Science and Religion,* 1966). Этот труд и порожденная им историографическая традиция стремились развенчать негативный образ религии как главного тормоза научного развития и провозгласили последовательную критику «ложных стереотипов» о характере взаимоотношений религии и науки. Авторы большей части работ, написанных под влиянием идей Й. Барбура, критиковали представление об обязательном конфликте между наукой и религией, развенчивали «канонические» критические сочинения Эндрю Уайта (1832–1918) и Джона Дрейпера (1811–1882) и с сим-